

**Великая Отечественная война и новая историческая память:
«понимающее забвение», «проработка
прошлого» и креативное мифотворчество**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии, Россия

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования современного пространства памяти о Великой Отечественной войне. Анализируются новые технологии ее профессиональной сборки и реакции на них различных сегментов российского общества. Делается вывод, что на сегодняшний день победа в войне оказывается опорным символом его национального самосознания, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться.

Ключевые слова: Великая отечественная война, новая историческая память, креативное мифотворчество.

Последнее десятилетие новейшей российской истории, ставшее временем усиления государственного начала в общественной жизни страны, в области профессионального освоения прошлого ознаменовалось рядом вполне ощутимых перемен. С одной стороны, продолжился процесс формирования нового исторического ландшафта с его нервной пристрастностью к национальным местам памяти; с другой, – ощущалась растущая потребность в создании относительно безопасного и единого для всех образа прошлого. При этом и массовым сознанием, и профессиональным сообществом прошлое все чаще прочитывается *историей выживания*, а, следовательно, и побед, наследникам которых оказывается не так-то легко примириться с памятью побежденных, особенно о войне 1941 – 1945 гг.

По масштабу и силе воздействие на сознание современного российского общества Великая Отечественная война занимает особое место. Как показывают данные социологических опросов, победа в войне воспринимается не только «решающим событием, предопределившим судьбу страны в XX в.», но и остается предметом «наибольшей гордости в нашей истории» [1]. Более того, война оказывается практически единственным событием советского прошлого, которое вызывает позитивные ассоциации и удостоивается сохранения в памяти общества [2]. Столь очевидное и, казалось бы, незыблемое положение, занимаемое войной в пространстве исторической памяти, нередко рассматривается специалистами в качестве неоспоримого доказательства ее значимости для национального самосознания россиян.

Между тем, историческая память в отличие от памяти коллективной, которая из прошлого сохраняет только то, что еще живет или способно жить в сознании поддерживающей ее группы, – вещь по сути своей рукотворная. Она создается «профессионалами в конкретное время, для конкретных целей и конкретных кругов» [3]. Французский социолог М. Хальбвакс, одним из первых обративший внимание на различие этих видов памяти, еще в конце 1920-х гг. отмечал: «История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах, изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них (...) Когда память о некоей череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия (...), тогда спасти эти воспоминания можно, только письменно зафиксировав их в форме связного рассказа – ведь слова и мысли умирают, а тексты остаются» [4].

Современная историческая память о войне формируется в условиях предельного сжатия исторического времени, ситуации, когда течение исторического процесса определяется «практически эффективным временем жизни человека или же еще меньшим временным масштабом текущих политических решений». Нынешнее поколение, пережившее не одну волну информационной революции, уже не воспринимает события дореволюционного и довоенного прошлого, сливающиеся для него в единое давно прошедшее время [5]. Сокращение диапазона индивидуальной памяти и предельное увеличение объемов потребляемой обществом информации требуют от государства больших, чем когда-либо усилий по поддержанию «живой памяти» о прошлом. Тем более что в нем на самом деле меньше прошедшего, чем нам кажется. Наглядным тому подтверждением являются многочисленные войны памяти, все еще бушующие на постсоветском пространстве некогда единой страны. В создаваемой на наших глазах новой национальной истории освободившихся от «гнета советского прошлого» государств война нередко превращается в арену идеологического противоборства и претензий к современному поколению победителей. Так, Грузия времен правления Гамсахурдии исключила из перечня государственных праздников День Победы, мотивируя принятое решение тем, что грузины – бойцы советской Армии – боролись за какую-то другую страну и за интересы другого строя. В свою очередь руководство Азербайджана предъявило России счет в 1 млн. дол. «за бакинскую нефть, благодаря которой СССР выиграл Великую Отечественную войну» [6]. Начавшаяся эрозия исторической памяти о войне уже вызвала к жизни создание государственной Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а также несколько довольно любопытных общественно-образовательных и исследовательских проектов, направленных на поддержание ее «созидательного потенциала».

Одним из них стал проект «исторического забвения» или «счастливой памяти», связанный с созданием принципиально новой системы современного исторического образования. По замыслу его разработчиков, острой проблемой, стоящей перед государством, остается проблема формирования гражданской идентичности у первого поколения россиян. Однако в российской школе не просто отсутствуют какие бы то ни было внятные усилия, предпринимаемые в этом направлении, но и нередко наличествуют «абсолютно деструктивные практики», усиливаемые разрывов исторической памяти поколений. В этой ситуации проект концепции новой истории исходит из необходимости изменения цели преподавания истории в школе. Вместо памяти о ней предлагается «поминающее забвение», смысл которого сводится к тому, что «изучение истории в школе в определенный период жизни молодого человека избавляет его или ее от необходимости оглядываться назад. От необходимости ставить вопрос о вине родителей, вине предков и вине нации» [7]. Интериоризированная история, навязанная, по мнению сторонников «понимающего забвения», современной школе, превращает историю в общенациональную драму с кровоточащей памятью о прошлом и коллективной ответственностью за него ныне живущих поколений. Однако прошлое не может быть тяжким грузом, а должно стать точкой опоры национального самосознания, для которого победа в последней войне окажется «священным камнем веры, опорой национальной памяти, преемственности поколений и некой гарантией на будущее» [8].

В процессе недавнего обсуждения функциональной пригодности старонového мифа о войне была высказана весьма любопытная точка зрения о продуктивности так называемых креативных или проектных мифов. Один из диспутантов предложил различать каталожные мифы, исходящие из восприятия истории как набора полюбившихся картинок, посредством которых можно «соизмерить день сегодняшней и день завтрашний», и проектные (креативные) мифы, воспринимающие исторический процесс в неразрывном единстве прошлого, настоящего и будущего и пытающиеся «разглядеть будущее через призму исторического опыта». Креативному мифу о войне, как свидетельствуют два последних юбилея Победы, удалось стать «точкой сборки» катастрофически раздробленного, распыленного общества... Несмотря на топорную и примитивную пропагандистскую обработку общественного мнения, именно в День Победы случалась как бы «пересборка» нашего общества, когда из страшного хаоса бессистемно действующих осколков некогда сцементированного советского народа вдруг начинало самоорганизовываться в нечто системно-созидательное» [9]. Отсюда, по мысли автора, вытекает и главная задача мыслителя вообще и историка в частности – заниматься креативным мифотворчеством.

Между тем, у процесса «проработки прошлого», нередко ошибочно воспринимаемого его фальсификацией, существуют вполне объективные основания, практически не подверженные внешнему контролю.

Прежде всего, к ним следует отнести те кардинальные изменения, которые произошли в области постижения прошлого и его роли в жизни совре-

менных обществ. Если ранее понимание истории мыслилось как сугубо герменевтическая проблема, сводящаяся к «интерпретации одним индивидом письменно зафиксированных текстов другого индивида», то в настоящее время обнаружилось совершенно иные плоскости ее рассмотрения. С одной стороны, резко увеличилось число и многообразие самих свидетельств о прошлом. С другой, – изменился тип его воспроизводства. Буквально за несколько последних десятилетий не только дифференцировались, но и многократно расширились те группы, которые брали на себя задачу сохранения и трансляции прошлого. Помимо традиционных агентов влияния официальной политики памяти в лице профессионального сообщества историков, идеологов и образовательных структур ими становятся политические партии и национальные движения, средства массовой информации и политическая идеология, разнообразная литература о «другой» войне и новый кинематограф. Наконец, мощным детонатором, взорвавшим сакральный облик войны, стала реабилитированная память жертв сталинского режима. Однако частный или индивидуальный опыт – опыт людей на войне и во время войны – не будучи специально обработанным не воспроизводится и не составляет культурного или социального факта. Именно это обстоятельство и послужило одной из причин его закрепления в пространстве письменной памяти о войне и дало повод одному из зарубежных исследователей сделать вывод о том, что «россияне буквально свалились в плюрализм воспоминаний» [10].

За тот небольшой промежуток времени, что отделяет сегодняшний день от начавшейся с середины 1980-х гг. исследовательской ревизии советского прошлого, образ войны претерпел существенные изменения. Из монолитного символа героического сопротивления фашизму он постепенно распался на множество символов коллективных и личных трагедий, в чьем эмоциональном накале подчас теряется не только величие народного подвига, но и смысл его высокого предназначения. Усилиями профессиональных историков наши знания о событиях того времени не только увеличились в объеме, но и оказались предельно дифференцированными. Публикации новых архивных документов, нелюбимых воспоминаний очевидцев и свидетелей того времени стерли с облика войны ее излишнюю пафосность и всеобщую жертвенность. В складывающейся ситуации реанимируются старые и вырабатываются новые политики памяти, в которых именно последняя война занимает центральное место.

Историческая память во многом является результатом социального изобретения прошлого, предполагающего отбор, переработку и использование его в интересах настоящего. При этом она действительна лишь в той степени, в которой согласуется с существовавшими ранее народными представлениями и коллективными воспоминаниями. Как показывают многочисленные исследования, «если правда о прошлом не совпадает с его образом в голове, она объявляется ложью и фальсификацией истории» [11]. Однако в России, где история всегда была нечто большим, чем обыденным повествованием о прошлом, ее события никогда не получают качества своей завершенности и обречены на бесконечное переписывание.

В пространстве исторической памяти современного российского общества война воспринимается символом его нынешнего единства и оправдания существования советской истории в целом. В этой своей ипостаси она требует всемерной поддержки не только официальной власти, но и усилий профессионального сообщества. Длительное время единственным творцом образа страны и ее общей памяти выступало государство. Но уже с начала 1990-х гг. память как таковая «была денационализирована и перестала служить исключительно интересам государства, целям обеспечения подчинения и господства, консолидации и чрезвычайным мобилизациям общества. Она обрела частный, приватный характер» [12]. Стремительная утрата властью своего монопольного положения, появившиеся возможности критического осмысления прошлого вызвали к жизни не только ее нежелательные образы, но и актуализировали память о другой войне – войне неоправданных потерь и депортаций, стратегических просчетов и сотрудничества с противником, штрафбатов и советских лагерей. Эта война, остававшаяся на периферии коллективной памяти, в атмосфере гласности и перестройки получила практически уникальный шанс обрести свою полноправную жизнь.

Однако ее профессиональная реабилитация не повлекла за собою переоценки войны в целом. Вопреки логике здравого смысла, она придала лишь новый импульс изучению мобилизационных возможностей тоталитарных режимов и вызвала в общественном сознании резко негативную реакцию. «Злонамеренное очернительство подвига народа» в самой кровопролитной войне минувшего столетия стало одним из серьезных поводов для вмешательства государства в ее изучение. Тем не менее, своей консервативной устойчивостью образ «великой войны» обязан не государственному вмешательству и общественной поддержке, а все той же памяти. Именно она в ситуации методологического разнообразия и снижения доверия к традиционным для истории источникам оказалась наиболее востребованным свидетелем того времени [13]. Всеобщее увлечение устной историей и сопровождавшими ее массовыми опросами участников и очевидцев военных событий выявили весьма характерную особенность индивидуальной памяти. Даже в ситуации явного противоречия устоявшейся официальной версии того или иного события респондент, как правило, в своих оценках войны не выходил за границы ее общепринятого образа либо вовсе отказывался от болезненных воспоминаний. Скупость и типичность индивидуальных воспоминаний о пережитом или увиденном на войне объясняются специфическими особенностями все той же памяти.

Как отмечают специалисты, воспоминания обладают высокой эмоциональной значимостью для их носителей. При этом намерение не забывать того, что некогда перевернуло всю жизнь и сказалось на последующей судьбе человека, собственно, и приводит к тому, что такие судьбоносные события претерпевают разнообразные изменения, обрастают дополнительными подробностями и, в конечном итоге, обретают тот универсальный формат, который созвучен воспоминаниям других людей. Более того, человек зачастую встраивает в историю своей жизни сведения, эпизоды и даже целые со-

бытия, происходящие не из его собственного опыта, а из совершенно иных источников – рассказов других людей, романов, документальных и художественных фильмов, грез, снов и фантазий. Этот феномен, получивший название «забвения источника», довольно часто присутствует в воспоминаниях тех, кто претендует на создание другой памяти о войне. Поэтому воспоминания, которые человек неоднократно обсуждал с другими (а к ним, прежде всего, относятся воспоминания о войне), «не истиннее и не аутентичнее иных; одни только связанные с ними эмоции содержат, хранят в себе след исходного происшествия, а все прочие может быть чистой воды артефактом» [14].

Особенности индивидуальной памяти находят свое объяснение и в пространстве ныне весьма влиятельной концепции социокультурной травмы – коллективного феномена, порождаемого разрушительными событиями, которые напрямую определяют продолжительность и глубину ее влияния на социальное поведение отдельного человека или группы людей в целом [15]. Война для всего фронтового поколения оказалась не просто травмой, а рождением новой биографии, в чьем пространстве личное, «мое» время было подчинено времени всепоглощающего трагического события. И только их разрыв, несовпадение временных ритмов и социальных биографий страны и отдельного человека генерировали другую память о войне. Она вбирала в себя воспоминания об упущенных возможностях и перевернутых судьбах, сочувственном отношении немецкого оккупанта к советским детям, сексуальном насилии в боевых подразделениях и нелюбви к евреям в партизанских отрядах. Носители этой памяти едва ли могли рассчитывать на благожелательное отношение власти и населения, что, собственно, и спровоцировало ее добровольное забвение. Попытки ее возрождения, предпринимаемые профессиональными исследователями и их добровольными помощниками, по сути сложившегося положения дел не меняют. Победа, одержанная в войне, и присвоение ей «статуса “главной истории” советско-российского народа» навязывает обществу ее единой смысл и имеет своим «следствием подавление разнообразных памятей меньшинств» [16].

Обращение к прошлому является «чрезвычайно важной реакцией на происходящее политических элит, интеллектуального сообщества и массового сознания». При этом принципиальным моментом в ситуации восприятия массовым сознанием минувшей войны, по мнению социологов, оказывается «момент смены поколений», неизбежно влекущий за собою «заметную смену представлений о войне и ее символического значения» [17]. Социологические замеры последних лет представляют историческое сознание россиян в качестве комбинации двух состояний, двух ценностных или остаточных идейных комплексов. Первый фиксирует «аморфное и диффузное чувство ужаса от тех времен». Второй (более структурированный и рационалистический) отражает официальную версию войны, оформившуюся в 1960-е гг. и сводящую ее к планомерному процессу победы. На сегодняшний день победа в войне оказывается опорным символом национального самосозна-

ния, единственным бесспорным достижением страны, которым можно и следует гордиться.

В пространстве создаваемого национального прошлого демократической России победа в войне санкционирует существование нынешнего политического режима, оказывающегося правопреемником и хранителем исторической памяти о ней. Однако навязываемое властью понимание войны как телеологии победы вытесняет из исторического сознания общества саму возможность публичного обсуждения цены войны, ответственности советского руководства за принятие провальных и преступных с моральной точки зрения решений, проблем послевоенного устройства лагеря мирового социализма. Вместе с тем, историческое сознание на уровне семейной памяти дополняет победную версию войны определенной долей скепсиса и иронии. Последствиями такого рода освоения прошлого становятся разложение идеологии как влиятельного и цементирующего общество ресурса, а также «отчуждение от прошлого и вытеснение его за пределы официально одобряемых дискурсивных практик» [18]. Едва ли в таком своем состоянии прошлое окажется хорошим подспорьем для общества, вновь оказавшегося на историческом перепутье. Не пора ли уже отдав дань уважения свершившемуся, как объективной данности, попробовать жить настоящим?

Примечания:

1. Гудков Л.Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
2. Хеслер И. Что значит «Проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
3. Носенко-Штейн Е.Э. О коллективной памяти российских евреев на рубеже веков (предварительные наблюдения) // Отечественная этнография. 2009. № 6. С. 20.
4. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).
5. Капица С.П. Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 15.
6. Орлова И.Б. Этнозация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 129 – 130.
7. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19 – 20 июня 2008 г. М., 2009. С. 51.
8. Там же. С. 52.
9. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. Вып. 18. М., 2006. С. 46, 47.
10. Хеслер И. Указ. соч.

11. Настоящее прошлого: как обходиться с историей и памятью? Материалы коллоквиума. Москва, 19 – 20 июня 2008 г. С. 86.

12. Глебова И.И. Кто мы? Историческая память и национальное самоопределение в современной России // Россия и современный мир. 2009. № 1. С. 7.

13. В данной связи достаточно показательной реакцией на возможности использования такого рода свидетельств стала позиция военных историков, отмечавших необходимость работы в архивах «с первоначальными документами», а не военными мемуарами, «собственно не являющимися документами для историков» // Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. С. 17.

14. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2 – 3 (40 – 41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/> (дата обращения: 20.05.2010).

15. Логунова Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. №9. С.126 – 136.

16. Глебова И.И. Указ. соч. С. 20.

17. Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум (Москва, 28 сентября 2005 г.). Стенограмма. С. 39 – 40.

18. Там же. С. 41.